

ШУБА

*Вещи эпохи химизации как инструменты
деструкции сталинского гламура*

После просмотра словарей советизмов и советского быта у меня создалось впечатление, что их составители не зафиксировали специфических коннотаций слова «шуба». О «шубе» ничего не пишут Валерий Мокиенко и Татьяна Никитина, авторы книги о феномене советского лексикона¹. Не заинтересовало понятие «шуба» и Леонида Беловинского². Более внимательным к деталям оказался Сергей Борисов. В его словаре представлены не только «шуба» (почему-то только каракулевая и цигейковая), но и «шубка». Последнее понятие расшифровывается как «небольшая шуба»³. Но внимание историков советского быта не привлекли социальные контексты ношения этой зимней одежды, а нередко и радикальные изменения материалов, из которых она изготавливалась.

Мех и меховые изделия в России издревле являли собой важные вестиментарные коды. Наиболее интересно и основательно об этом написала в своей статье «В нежных объятиях ласкового зверя: пушнина и меховые изделия в средневековой Руси XIV–XVI веков» Ирина Михайлова. Рано умершая петербургская исследовательница средневековой Руси вычленила те функции пушнины, которые, собственно, определяли ее семиотическую значимость для истории российской повседневности⁴. Речь, конечно, в первую очередь о практической ценности одежды из меха. Шубы защищают от зимнего

холода и в наши дни. Не менее важной была и репрезентативная функция мехов, с помощью которых маркировались и социальный статус, и материальная обеспеченность. В Средневековье выделанные шкурки животных выполняли также роли талисманов и оберегов. Со временем эта последняя функция меха была утрачена. Но для тепла население продолжало использовать меховую одежду и после событий 1917 года. Кожухи из плохо выделанной и покрытой сверху материей овчины можно было увидеть на улицах даже крупных российских городов на крестьянах, приезжавших на толкучки и рынки. Приличные шубы в годы военного коммунизма вынуждены были «и в пир и в мир» носить представители бывших имущих классов, не успевших эмигрировать. Английский журналист Артур Рэнсон, побывавший в 1919 году в Петрограде, писал: «Бросается в глаза <...> общая нехватка новой одежды <...> Я видел одну молодую женщину в хорошо сохранившемся, по всей очевидности дорогом меховом пальто, а под ним у нее виднелись соломенные туфли с полотняными оборками»⁵.

Новая экономическая политика изменила ситуацию: мех вновь превратился в вестиментарный код благополучия. В тяжелой шубе «на чернобурой лисе с синеватой искрой» предстает перед псом Шариком булгаковский Филипп Филиппович Преображенский, социально-профессиональный статус которого и при власти Советов позволял носить вещи из дорогого меха. Им соответствовал и весь стиль — черный костюм английского сукна, неяркая золотая цепочка часов и хорошие кожаные туфли⁶. Мех маркировал и принадлежность к новой нэпманской буржуазии. Она занялась пошивом шуб. Советская власть пока не наладила фабричное изготовление меховых вещей даже на основе сравнительно крупных дореволюционных скорняжных производств, вроде известной в столице Российской империи фирмы Ф. Л. Мертенса. Нэпманы успешно торговали пушниной внутри страны.

Писательница Вера Кетлинская вспоминала об одном из новых меховых магазинов, открывшихся в Петрограде в начале 1920-х. Туда по объявлению устроились работать две подружки-студентки: «Хозяин магазина предупредил <...> что покупателей бывает немного, но каждого надо принять как можно любезней и постараться что-либо продать, для этого он учил новых продавщиц накидывать на плечи меха, кутаться в пантены, примерять на себе любой самый дешевый воротник так, чтобы он выглядел изысканно. Кроме того, в обязанность продавщиц входило быть милыми хозяйками в задних комнатах магазина, куда приходят поставщики и другие деловые люди, — сервировать чай, заваривать кофе, делать бутерброды, угощать коньяком или винами. Оплата была по тому времени довольно высокая, а работа нетяжелая, за прилавком разрешалось сидеть и даже читать, но при входе покупателя нужно было немедленно встать и встретить его приветливой улыбкой». На самом деле девушки вынуждены были оказывать особо настойчивым покупателям и те услуги, которые теперь называют интимными⁷. Женщины же, у которых отцы, мужья и любовники принадлежали к слою коммерсантов или к разряду крупных хозяйственных работников, начали спокойно фланировать в мехах зимой по городским улицам. Но вскоре оказалось, что прогулка в шубе — дело небезопасное: в театрах и ресторанах нэповской России стали активно работать воры, специализировавшиеся на кражах меховых манто. Историю такой банды описал в своих воспоминаниях Иван Бодунов:

Ладыга и Климов прогуливались по Невскому проспекту. Денек был морозный, солнечный, и по проспекту толпами валили гуляющие. Ладыга и Климов шли порознь <...> Каждый из них искал в толпе одинокую и дорогую шубу. К сожалению, хорошие меха обычно гуляли не одни. Котики, каракули, шиншиллы шли окруженные нарядными кавалерами и были совершенно недоступны

для знакомства. Все-таки на углу Садовой Климов заметил выходящий из парикмахерской ТЭЖЭ одинокий каракуль <...>

Климов повел себя как серьезный кавалер. Он ее (девушку. — *Н. Л.*) пригласил не в ресторан, не на танцульку, а в Мариинский театр.

Дальше с помощью сообщницы злоумышленник просто получил по номерку новую каракулевую шубу, которую успешно реализовали знакомому скорняку. Через некоторое время история повторилась в Александринском театре. На этот раз преступник предложил новой жертве — владелице котиковой шубки — посмотреть модную в то время пьесу Анатолия Луначарского «Яд», где в главной роли блистала актриса Евгения Вольф-Израэль. Затем местом преступления с шубой стал Михайловский театр⁸. Мой дед рассказывал, что в годы нэпа к нему, тогда участковому милиционеру, часто обращались с заявлениями «дамочки», у которых в трамваях ловкие «щипачи» умудрялись сзади из каракулевой или котиковой шубки вырезать бритвой приличный кусок меха. Из него скорняки с успехом делали воротники и манжеты.

На рубеже 1920–1930-х с исчезновением «частников» цельномеховая одежда стала встречаться реже. Дорогие шкурки чернобурой лисы, соболя, песца превратились в источник валюты, необходимой советской власти для индустриализации. Весной 1931 года в Ленинграде состоялся первый международный аукцион, на который прибыли 78 представителей иностранных меховых фирм. С 1932 года подобные торги проводились регулярно. В середине 1930-х годов в контексте большого стиля и его бытовой составляющей — своеобразного сталинского гламура — власть начала вновь уделять внимание изготовлению шуб для населения. В Ленинграде заработала меховая фабрика «Рот-Фронт», в штате которой в 1938 году числилось 2600 сотрудников. Ассортимент предприятия накануне Великой Отечественной войны насчитывал около ста

готовых изделий, начиная от меховых пластин и заканчивая беличьими манто — самой дорогой продукцией. Даже фабричная себестоимость одежды из белки составляла 1806 рублей⁹. Эта продукция советских меховых фабрик активно рекламировалась. В 1937 году появился плакат художников А. Колтуновича и П. Золотаревского со следующим текстом: «В магазинах Союзмехторга имеются в большом выборе беличьих манто». Заслуживает внимания сугубо гламурный фасон мехового одеяния: манто вещь без пуговиц, рассчитанная на ношение взапах.

В конце 1930-х годов в СССР в промышленных масштабах начали производить и первые «имитированные» меха, то есть сравнительно дешевые, но выглядевшие как дорогие, благородные. Самым известным из них стал «кролик под котик». В предреволюционной России шубы из морского котика считались дорогой и шикарной вещью. Дамы из среды высшей советской номенклатуры, если судить по деталям из художественной литературы 1940-х — начала 1950-х годов, тоже иногда появлялись в «котике». В романе Веры Пановой «Кружилиха» (1947) можно прочесть о шубе Клавдии — жены директора завода: «Шубка новая, котиковая, предмет забот и восторгов Клавдии»¹⁰. Но это была большая редкость. Известно, что на знаменитой фабрике «Рот-Фронт» из настоящего котика выпускали лишь воротники и шапки. Так что большинству дам из средних слоев сталинской элиты приходилось довольствоваться так называемым «электрическим котиком» — определенным образом выделанным мехом кролика. Подобных шуб в СССР в 1930–1950-х годах было немало, ведь кролиководство, особенно до войны, процветало (см. «Царица полей»). Выглядели шубки неплохо — могу подтвердить на собственном опыте. В начале 1990-х я купила себе этого «рот-фронтского» «кролика под котика». Шубка жива до сих пор, я лишь попросила скорняка оосовременить модель, укоротить изделие, снять мощные манжеты, слегка переделать воротник. Все это было сделано под «ахи» и «охи» о потрясающей

выделке мездры и обработке шкурок в советское время. мех блестит, а главное, благодаря особым технологиям выделки, совершенно не вытерся. Именно поэтому меня не удивляет, что в сталинское время «кролики» с технологически дорогой спецобработкой были не дешевы и превратились в своеобразный знак обеспеченности. В общем, шубы даже из сусликов и традиционных кроликов в конце 1930-х годов оказались не по средствам обычным советским горожанам. И тогда в качестве доступной альтернативы власть предложила горжетки из чернобурых лис и песцов, которые модно было надевать поверх пальто, костюмов и даже платьев. Яркое представление об этих знаках сталинского гламура дает фильм Константина Юдина «Девушка с характером» (1939). Главная героиня Катя Иванова не только работает в звероводческом совхозе, но и на короткое время становится продавщицей мехового салона в Москве. В магазине представлено огромное количество именно горжеток — вещи, способной не столько согреть женщину, сколько продемонстрировать в публичном пространстве ее высокий социальный статус.

И в послевоенной сталинской повседневности горжетки и шубы прежде всего выполняли репрезентативные функции вещей-знаков. меховые предметы одежды и детали туалета могли купить в основном представители советской элиты. Мои бабушки шуб при коммунистах так и не поносили. В молодости, которая совпала с 1920–1930-ми годами, и Екатерина Ивановна и Антонина Станиславовна одевались модненько, но бедненько. Не помогали ни служба бабушки Коли в милиции, ни работа бабушки Тони в системе НКВД на должности шифровальщицы. После войны обе смогли позволить себе приобрести по чернобурому воротнику с лапками (горжетки с мордочками были дороги), но, на мой взгляд, ни одну из бабушек престижная деталь туалета не украшала: Екатерина Ивановна была, прямо скажем, полновата для пышного воротника, а Антонина Станиславовна ростом не вышла.

«Чернобурка» в реальной жизни. 1957. Личный архив Н. Б. Лебиной

Зато моя красавица мама — по тем временам вызывающе худая и довольно высокая, натуральная золотистая блондинка с зелеными глазами — потрясла в 1955 году академический бомонд. На торжественном заседании в Александринском театре по поводу 190-летия со дня смерти Михаила Ломоносова она появилась в черном костюме, украшенном маленькой баской, и накинутыми на шею двумя куньими шкурками. У них не было ни голов, ни лап, ни даже хвостов, так как один из них оторвали в автобусной толчее. Ведь куница маму еще и согрела, так как служила съемным воротником на зимнем пальто. Оставшийся хвост папа решительно отрезал обычными ножницами, чтобы не возникало лишних вопросов.

И все же мода на оскаленные мертвые головки уходила вместе с остальными составляющими сталинского гламура — высотками и «сталинками», широкими брюками и юбками солнце-клевш и др. В художественной литературе в середине 1950-х годов начали писать об одежде из меха как о знаке благополучия именно сталинской элиты и как о своеобразном

предметном выражении тоталитарного гендерного порядка. Шуба в мировой моде, по словам британского искусствоведа Ребекки Арнольд, «один из символов Леди, эмблема холодной аристократки и содержанки». Леди, в свою очередь, — всего лишь «блестящее имущество своего мужа, она безудержно потребляет, чтобы поддерживать его статус»¹¹. Критике подверглись такие гламурные атрибуты женской одежды, как огромная чернобуря лиса на плечах, в «полном сборе» — как живая. Этот меховой аксессуар тешит тщеславие Лизы Потепенко — одной из героинь романа Даниила Гранина «Искатели» (1954), бросившей работу и живущей на средства обеспеченного мужа: «Ей было хорошо, потому что на ней красивое, модное платье и чернобурка»¹². С легким презрением стали писать и о меховых шубах. У Юрия Германа в последней части его знаменитой трилогии о докторе Устименко главная положительная героиня Варвара, конечно же, не имеет шубы и иронизирует по этому поводу:

— А шуба у тебя от мороза есть?

— Шуб у меня избыток, — соврала Варвара, — сколько угодно, три или четыре. Я вообще, папа, исключительно одеваюсь. Но все не перешитые, у меховщика. Я ведь люблю модное, не могу отставать. Для тебя надену Ираидкину (малосимпатичная родственница-мещанка. — *Н. Л.*) — с шиком сшита¹³.

Одновременно даже в условиях десталинизации никто не отменял практических функций меха в природной ситуации России. Обеспечить людей теплой одеждой власть попыталась с помощью достижений научно-технического прогресса. Как известно, в 1950–1960-х годах в практиках повседневности во всем мире революцию произвела синтетика. Не случайно Ролан Барт назвал пластмассу — продукт химизации — не вещью, а идеей бесконечных трансформаций. Это свойство, по мнению французского философа и семиотика, отменяет

иерархию вещей; синтетика (пластмасса) «заменяет собой все остальные» (предметы, вещи, ткани. — *Н. Л.*), имитируя все, вплоть до роскоши¹⁴.

В этой связи нельзя не вспомнить нейлоновые рубашки: благодаря им все мужчины в СССР на какое-то время приобрели лощеный вид. В отличие от натуральных тканей, которые необходимо было не только стирать, но и крахмалить для придания воротничкам и манжетам формы, а также тщательно гладить, синтетика ничего этого не требовала. В мире рубашки из нейлона — ткани, разработанной во Франции в фирме DuPont, — появились еще в 1927 году. Внедрение синтетики в мужскую одежду облегчило домашний труд женщины. В СССР о нейлоновых мужских рубашках стало известно на рубеже 1950–1960-х годов. В повести Василия Аксенова «Апельсины из Марокко», написанной в 1962 году, этот вид одежды фиксируется как традиционная часть мужского костюма: «Нина тихонько рассказывала <...> про Ленинград <...> про Мраморный зал, куда она ходила танцевать, и как после танцев зазевавшиеся мальчики густой толпой стоят возле дворца <...> и в темноте белеют их нейлоновые рубашки»¹⁵. Рубашки из нейлона в 1960-х годах по причине неповоротливости советской легкой промышленности становились предметом спекуляции и фарцовки. Литератор Олег Яцкевич вспоминал: «За нейлоновую рубаху некоторые стилиги родителей были готовы продать»¹⁶. Счастливые привозили химические доспехи из-за границы. По свидетельствам современников, во Франции уже в 1965 году «нейлоновые рубашки <...> стоили гроши, и носили их только бедные приказчики и алжирцы»¹⁷. Но это не останавливало советских франтов, как и то обстоятельство, что летом в нейлоне жарко, а зимой холодно.

Не меньший восторг вызывал на первых порах и искусственный мех. О нем уже во второй половине 1950-х годов много писали в прессе. Так, в августе 1955 года газета «Ленинградская правда» сообщила: «Фабрика искусственной кожи

освоила в этом году массовое производство высококачественного каракуля из волокон капрона и вискозы. Головные уборы, муфты, воротники, манто, изготовленные из искусственного каракуля <...> не боятся снега и дождя, прочны в носке»¹⁸. Особенно привлекала обещанная стоимость искусственного каракуля. Планировалось, что он будет в десять раз дешевле натурального. Популярный журнал «Работница» к тому же заверял, что «только опытный специалист сможет отличить эти темно-серые шкурки с блестящими кольцами лежащих плотными рядами нежных завитков от шкурок натурального каракуля»¹⁹.

В мае 1958 года на пленуме ЦК КПСС активно обсуждалось производство синтетических материалов и изделий из них. Власть, правда, прибегла к риторике самооправдания. В решениях пленума говорилось: «Сейчас в тяжелой промышленности, в науке и технике достигнут такой уровень, когда *мы не в ущерб дальнейшему преимущественному развитию тяжелой индустрии и обороноспособности страны можем значительно более быстрыми темпами увеличить производство товаров народного потребления*, с тем чтобы в ближайшие 5–6 лет в достатке обеспечить потребности населения в тканях, одежде, обуви и других товарах. В решении этой задачи большое значение имеет ускоренное развитие химической промышленности» (курсив мой. — Н. Л.)²⁰. Предполагалось, что за семь лет производство искусственного каракуля увеличится в 14 раз, что означало выпуск 5 млн м синтетической ткани, имитирующей мех²¹.

Никита Хрущев был увлечен идеей одеть людей с помощью достижений химии. По воспоминаниям Алексея Аджубея, синтетика была у генсека «под особым контролем. Хрущев говорил, что без развития производства синтетических материалов вопрос с одеждой решить будет невозможно»²². Советский лидер сам носил папаху из искусственного барашка и очень гордился тем, что многие не могли отличить его шапку от натуральной.

Пристрастия Хрущева зафиксировал и пленум ЦК КПСС 1958 года: «Изделия, вырабатываемые из этих материалов, по своему качеству, прочности, добротности, изяществу не только не уступают, а зачастую значительно превосходят изделия, вырабатываемые из натурального сырья»²³. Рядовые граждане СССР смогли оценить химические меха уже в 1958 году, когда ленинградская фабрика «Красное знамя» изготовила первую партию синтетического каракуля.

Однако отечественная промышленность не выпускала искусственные материалы в достаточном количестве. И уже в 1960 году в стране появились первые изделия из волокон, произведенных на Западе, в частности из орлона — полимерного нитрила акриловой кислоты. Он был еще в 1948 году синтезирован в США. Позднее орлон, сделанный в СССР по приобретенной лицензии, стал называться «нитроном». Из имитации натуральной цигейки и мутона стали шить зимние детские шубки. Журнал «Работница» с восторгом писал: «Трудно удержаться от похвал, глядя на красивую шубку из орлонового меха с ярко-голубой подкладкой. Чудо-шуба: вывернешь ее наизнанку, получается пальто, опушенное белым мехом. Детские вещи, сшитые из поролона и искусственного меха, дешевле, красивее и практичнее, чем, скажем, суконные и бархатные»²⁴. Но, скорее всего, это были опытные, рекламные образцы. В Ленинграде, например, пробный выпуск таких детских шубок освоили лишь в 1961 году в преддверии XXII съезда КПСС²⁵. Тогда же ленинградская фабрика «Большевичка» наладила производство шапочек из химического каракуля, а главное, первых моделей женских шуб из синтетики. К суперсовременным по качеству материала псевдомеховым пальто прилагалась муфта из искусственного меха — деталь, совершенно не соответствовавшая ритму жизни женщины 1960-х годов²⁶. По-видимому, модельеры все еще следовали принципам сталинского гламура в женской зимней одежде.